

Владимир Алябьев

Мгновение

«Издательские решения»

Алябьев В.

Мгновение / В. Алябьев — «Издательские решения»,

То, что предлагается Вашему вниманию, это не совсем книга стихов. Мне хотелось оставить детям, внукам, друзьям на память книгу, дающую представление, каким был их отец, дедушка, друг по жизни, коллега по работе. Мемуары писать скучно и ещё более скучно читать. Поэтому и родилась идея этого сборника. Что получилось, судите сами.

© Алябьев В.

© Издательские решения

Содержание

Мгновение	6
«Время, как река, течет в немом молчанье...»	8
«Я родился в степи, где мой дед замерзал...»	9
Мой город	10
«Мечтаю о жизни светлой...»	11
«Ночь. Серебристый свет неона...»	12
По Чехову...	13
«Я вспоминаю неба просинь...»	14
«Что нужно женщине? Не знаю...»	15
«Как давно это было. Все подернулось дымкою синей...»	16
«Помнишь, как по речке Чусовой...»	17
«В потоке повседневной суеты...»	18
«В чем суть вещей? Что есть добро и зло?»	19
«Опять мне не дают покоя...»	20
«Давно стихов уже я не пишу...»	21
«Вечер. Снег. Шуршат колеса...»	22
Себе, любимому	23
Казино	24
Про карты и жизнь...	25
Отзыв-рецензия	26
Деревенька моя...	27
«Живем мы паршиво...»	28
Родина моя	29
Нищенка	30
Девушка с веслом	31
Про любовь	32
Напутствие молодым	34
Письмо командировочного жене	35
Письмо жене в санаторий Цхалтубо	36
Песня кота	38
Ответ жильцов	40
Новогоднее поздравление (1990—1991 г.г.)	41
Гимн путчистов	44
8 марта (1992 г.)	45
Дорогим женщинам (время – лихие 90-е)	46
Тебе, любимая (2014 год – год лошади а-ля А. Иванов)	47
На закате...	48
«Промчалось детство, юность пролетела...»	49
«После долгой зимы показалось вдруг яркое солнце...»	50
Зарубежные зарисовки	51
«Я открываю мир, вся жизнь передо мной...»	52
Из Германии	53
Югославский мотив	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Мгновение

Владимир Алябьев

Все дело в мгновении. Оно определяет жизнь.
Франц Кафка

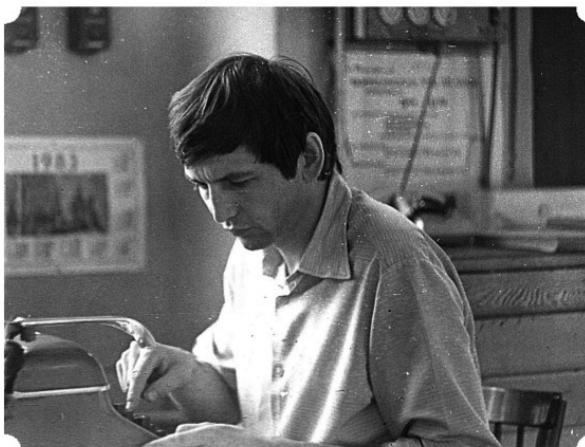
© Владимир Алябьев, 2016

© Глеб Бабушкин, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мгновение

Каждое стихотворение,
каждая фотография —
это кусочек прожитой жизни,
те мгновения, из которых
и складывается жизнь.

Вот так писались научные статьи и эти стихи

Истинное лицо автора. Шарж сделан профессором УПИ С. Гольдштейном на международной выставке в Лейпциге.

«Время, как река, течет в немом молчанье...»

Время, как река, течет в немом молчанье,
То быстрый перекат, то вдруг широкий плёс.
И где конец всего, и где всего начало?
Загадка для ума и вечности вопрос.

И наша жизнь – река,
Она течет как время.
Она течет пока
Есть цель, и есть стремленье...

Стремленье цель достичь...

«Я родился в степи, где мой дед замерзал...»

Я родился в степи, где мой дед замерзал,
И уныло плелась лошадёнка.
Я в тулупе под сеном тихонько лежал,
Заметала дорогу позёмка.

А весной степь покрыта зелёным ковром,
По оврагам ручьи побежали.
Гонят бабы на выпас голодных коров,
Где сурки, словно столбики встали.

Я родился в степи там, где летом жара,
И ковыль, словно море бушует.
Где поёт по ночам соловей до утра,
Сердце дівчин и хлопцев волнует.

Ну а осенью слякоть и с неба потоп,
Непролазная грязь на дороге.
Мокнет дед под дождём, погоняя кнутом,
Лошадёнку, впряжённую в дроги.

Мой город

Город на границе с Казахстаном,
Солнце как прожектор. Летний зной.
Два осла, ревущих утром рано,
И асфальт, плывущий под ногой.

Город детства. Молодость. Девчонки
По центральной улице толпой.
Все, по это самое юбчонки,
Хорошо, когда ты молодой.

Два училища военных. Два театра.
Храм. Мечеть. Полно народу в них.
А в «Зенитке» для девчонок танцы,
Ведь гражданский шпак – он не жених.

Вновь иду по улицам знакомым,
Вновь оркестр играет духовой.
Вновь стою у стен родного дома,
Где асфальт, плывущий под ногой.

«Мечтаю о жизни светлой...»

Мечтаю о жизни светлой,
Такой, как фата у невесты,
Яркой как краски спектра,
Как впечатления детства.

Мечтаю о жизни чистой,
Как звук трубы на рассвете.
Себя представляю горнистом,
И путь мой лёгок и светел.

Мечтаю о жизни яркой,
Как факел, в ночи горящий.
Не жду от жизни подарков,
Ни в будущем, ни в настоящем.

Мечтаю о жизни честной,
Без фальши, лжи и обмана.
И жить хочу интересно,
А не уныло и странно.

«Ночь. Серебристый свет неона...»

Ночь. Серебристый свет неона.
Таинственный, как в сказке, лес.
Снег – чист, невинен и нетронут
Тихонько падает с небес.

Луна беззвучно проплывает
За облаками вдалеке.
И лишь снежинка тихо тает
И исчезает на щеке.

По Чехову...

Вздымают санки снежный вихорь,
И ты летишь себя губя.
И как дыханье... тихо, тихо,
Люблю тебя, люблю тебя.

Остановись на миг мгновенье,
Вот локон губы тербят.
И снова... будто дуновенье,
Люблю тебя, люблю тебя.

Все в голове слегка кружится,
Вина как будто пригубя.
Так было или только снится,
Люблю тебя, люблю тебя.

«Я вспоминаю неба просинь...»

Я вспоминаю неба просинь,
Клин журавлей, что в небе плыл.
И эту пушкинскую осень,
Что год минувший подарил.

Багрянцем тронут лес меж елок,
Прозрачный воздух чист и свеж.
И над рекой гранитный сколок,
«Европа – Азия» – рубеж.

Река меж скал течет лениво,
Теряясь в голубой дали.
Стою я на краю обрыва,
Как будто на краю земли.

Там далеко за горизонтом,
Где небо сходится с землёй,
Как голос чистый, детский, звонкий,
Россия – край родимый мой.

«Что нужно женщине? Не знаю...»

Что нужно женщине? Не знаю.
Что на душе там у неё?
Что ей милее? Гладь морская,
Или штормящий водоём.

Что нужно женщине? Покоя,
Или волнений и тревог?
Надёжное плечо мужское,
Чтоб в трудный час подставить мог?

Что нужно женщине? Уюта,
И детский смех во всех углах?
Свою любовь отдать кому-то,
Иль получить ее сполна?

Какая музыка звучит?
Какие на линейках ноты?
Кто знает, ведь она молчит,
Тая таинственное, что-то.

«Как давно это было. Все подернулось дымкою синей...»

Как давно это было. Все подернулось дымкою синей.
Стёрлись даты и лица, но память упорно хранит.
Ту весну, когда оба мы были с тобой молодыми.
И огонь, что с тех пор негасимо и ярко горит.

Как давно это было, как предано много забвенью.
Сколько лет пролетело и сколько воды утекло.
Но хранит наша память прекрасные жизни мгновенья
И, конечно, все то, что на сердце зарубкой легло.

«Помнишь, как по речке Чусовой...»

Помнишь, как по речке Чусовой,
Дружно веслами махали мы с тобой.

И бежала быстрая река
Вдаль за синий горизонт, за облака.

Где сливались небеса с землей,
Где над вековой тайгой царил покой.

Солнце отражалось на весле,
Когда шли мы по Мартъяновской петле.

И стояли грозные «бойцы»,
Как былинные, батыры – молодцы.

Как застигла непогода по пути,
Как пришлось три дня без хлеба нам идти.

Ночевали как в избе у мужика,
Где за Камень шла дружина Ермака.

Печь гудела, разморило от тепла,
Жизнь когда-то просто сказочной была.

Из трубы тянулся к звездам белый дым.
Хорошо быть сильным, глупым... молодым.

«В потоке повседневной суеты...»

В потоке повседневной суеты
Лишь успеваем встретиться, проститься.
Теряем сокровенные мечты,
И журавля меняем на синицу.

И изменяем в мыслях и делах Высокому,
В чем Суть всего и Сущность.
Сжигаем на житейских на кострах,
Свою любовь, свою шальную юность.

«В чем суть вещей? Что есть добро и зло?»

В чем суть вещей? Что есть добро и зло?
Что есть любовь? Где истин свет прекрасный?
Тому, кто это понял, – повезло,
Тот по земле шагает не напрасно.

«Опять мне не дают покоя...»

Опять мне не дают покоя
Твои глаза и голос твой.
И это платье голубое,
И пояс на бедре, витой.

Рука, волнуясь, ищет руку,
И губы тянутся к губам.
Я забываю про науку,
И проклиная милых дам.

«Давно стихов уже я не пишу...»

Давно стихов уже я не пишу,
Желанья нет, исчезло вдохновенье.
Но вижу Вас, стою и не дышу,
Испытывая лёгкое волненье.

Люблю интеллигентных женщин я,
В них мягкость, нежность, тонкость обращенья.
Невольно тянется к плечу рука моя,
Испытывая лёгкое волненье.

И что-то поднимается... волной,
Волшебный миг, счастливое мгновенье.
Я вновь с тобой, я слышу голос твой,
Испытывая лёгкое волненье.

«Вечер. Снег. Шуршат колеса...»

Вечер. Снег. Шуршат колеса
Проезжающих машин.
На дороге, у откоса,
Замерзает гражданин.

Он одет не по сезону,
И уже отменно пьян.
Видно нет пути до дому,
И не ждет его семья.

Помогите, люди, просит.
Я один в ночи, один.
Вечер. Снег. Шуршат колеса
Проезжающих машин.

Себе, любимому

Вот на пороге сорок пять.
Пора уже окинуть взглядом,
Что сделал, что успел сказать?
И что ещё бы сделать надо.

Там на Востоке говорят,
Что в жизни тот достиг вершины,
Кто посадил цветущий сад,
Построил дом и жизнь дал сыну.

Конечно, что-то я успел:
Семья и дом, работа, дача.
Но всё-ли сделал, что хотел?
Начать сначала – жил иначе?

Или оставил всё как есть,
Все крохи радости и боли?
И стал бы те же песни петь,
И не искал бы лучшей доли.

Что ж, если так, то хорошо,
Дней зря не тратил, жить спешил.
Всё, что искал, уже нашёл,
Всё что задумал, совершил.

Если исполнилось не всё,
О чем-то можно лишь мечтать,
То ещё больше повезло,
Есть цель, и есть, куда шагать.

Казино

Жизнь – рулетка в большом казино,
Покер с бриджем, пасьянс, преферанс.
Карты ровно легли на сукно,
Начиная испытывать нас.

Снова «пас», иль «игру» заказать,
Там в двух картах хоть что-нибудь есть?
Надо, надо опять рисковать,
Знал бы прикуп, то жил бы не здесь.

Прикуп я потянул по одной,
Говорят, что примета – верняк.
Я тяну его левой рукой,
Это вам не какой-то «дурак».

Карта в длинную масть мне легла,
И вторая под масть, я гляжу.
Надо что-то сносить, но тогда,
Как всегда, я без взятки сижу.

Словно карта летит жизнь моя,
Но, я верю в удачу, и жду.
Будет новая «сдача» и я,
Непременно сломаю судьбу.

Про карты и жизнь...

Вот перемешана колода и сдана.
Смотрю я в карты, что-то надо квакать.
Чего бояться? Жизнь всего одна.
И надо жить, а не сидеть и какать.

И говорю я громко шесть трэфей,
Хоть на руках всего четыре взятки.
Но прикуп мой. Играю семь бубей,
И кажется, что вроде все в порядке.

Но нет. Легло не так, как я хотел.
Не так как думал, когда лез на семерную.
Но не беда, кто смел, тот поимел.
И я банкую, и я блефую.

Ну, надо же – они зашли не так.
Бараны, идиоты, остолопы,
Нет, есть на свете Бог, седой чудак,
Я вылезая медленно из «жопы».

Везёт тому, кто стонет, но везёт.
Какую трудную сыграл я семерную.
Кто не рискует, точно, тот не пьёт,
А смелого и пуля не берёт,
И я банкую, и я блефую.

Отзыв-рецензия на кулинарную книгу по приготовлению блюд из дикорастущих трав

Я читал эту книгу со страстью больной, с вождельем.
Словно бешеный пес, в исступлении слюной исходил.
За рецептом, рецепт, я проглатывал в страшном волнении,
Оторваться не мог: не хватало ни воли, ни сил.

Этой ранней весной Ваша книга мне все заменила,
Больше мяса не ем, лишь с любовью на травку гляжу.
Но зато появилась во мне богатырская сила.
Кровь не капает с дёсен, и крепко головку держу.

Все цветы и соцветья, коренья, листва, плодоножки
Со сметаной и маслом идут у меня только так.
Ну а если добавить лимончик, морковь и картошки,
То откажется только законченный полный чудака.

С колдовских наговоров не мучают больше запоры,
Я забыл о подагре, исчезли рахит и колит.
Никогда я не верил в реальность подобных историй,
Но ведь, правда здоров, и нигде ничего не болит.

Прожевав Вашу книгу, хожу очумело влюблённый,
Таких вкусных вещей я ещё никогда не читал.
Эх под эту бы закуску налить бы ещё самогона,
Я б тогда со стаканом ещё не такое сказал.

Деревенька моя...

Вот хозяин фазенды возле дома стоит по утрянке.
В рваной грязной рубахе, с лопатой в могучих руках.
Он слегка с бодуна, после бани вчерашней и пьянки.
Греет ласково солнце и плывут в синеве облака.

Не ко времени вдруг разорался петух ошалело,
Заскочив на резное, в кружевах и виньетках крыльцо,
Где над сыном сосед совершает и «слово», и «дело»,
И несёт духовито с окрестных полей говнецом.

В непролазной грязи утонул с головою «Узик»,
Подавив деревенских, распухших от жира гусей.
Пышнотелая баба плеснула с помоями тазик,
Пострадавший кобель взвыл от жизни собачьей своей.

Деревенька моя, ты до слёз и до боли родная,
Неоглядная даль за излучиной древней реки.
За околицей где-то уныло гармошка рыдает,
Да похмельные песни орут от души мужики.

«Живем мы паршиво...»

Живем мы паршиво
И там впереди ни фи́га.
Какая вершина?
У нас костяная нога.

Нам счастье приснится,
Останется только поймать.
Но Синюю птицу
Не будем мы даже искать.

Наши судьбы – злодейки,
Нам счастье познать не дано.
Мы Серые шейки,
У нас перебито крыло.

Все только задаром
Хотим мы по жизни иметь.
Нам к Солнцу Икаром,
Увы, никогда не взлететь.

Пахать неустанно,
Уже нам давно не с руки.
И все мы Иваны,
Иваны, увы, дураки.

Мы храмов не строим,
А если построим, крушим.
И сердце не ноет,
Покаемся, снова грешим.

У Синего Моря
Все ждём мы чего-то и ждём.
С судьбою не споря,
С того и паршиво живём.

Родина моя

Ох, страна моя родная,
Брюква, репа, хмель и квас.
И зима, зима без края.
Не на день и не на час.

Дураки на всех дорогах,
И дорог то вовсе нет.
Поминая мать и Бога,
Мой ползёт «кабриолет».

А у них дороги с мылом
Моют фрау у ворот.
А у нас сегодня было,
И опять труба зовёт.

Там у них на автобане
Смело можно жать на газ
А у нас пошлют по маме,
Да ещё получишь в глаз.

Утром был опять потоп. Вот.
С потолка, аж дождик льёт.
Наверху, сосед – урод,
Поломал водопровод.

Но зато у них стихия
Смыла сразу полстраны.
А у нас пока что тихо,
Тихо, тихо тают льды.

Говорят, что будет вскоре
Потепление кругом.
И где суша, будет море.
Вот, ребята, заживём.

Зацветут весной цветочки
И в Сибири будет Крым.
И тогда Сибирь уж точно
Никому не отдадим.

Нищенка

Вижу, как при всем честном народе,
Женщина, с тоской в потухшем взгляде,
С баночкой, в подземном переходе,
Просит – помогите Христа ради.

А когда-то ведь детей учила,
Их в кино водила стайкой дружной.
Но как только старость подступила,
Сразу стала никому не нужной.

Навалились сразу все несчастья,
И беда вдруг встала на пороге.
Родина забыла в одночасье
О Заслуженном и честном педагоге.

Сколько вас таких вот позабытых,
По стране родной теньями бродит.
Сколько Вас по всей Руси Великой,
С баночкой в подземном переходе?

Девушка с веслом

На берегу реки Исети
Стояла девушка с веслом.
Но налетел могучий ветер
И шляпку ветром унесло.

Летит она над водной гладью,
А ветер всё срывает зло.
И улетело с ветром платье,
И из одежды... лишь весло.

У обнаженной, у молодки
Тугая ходит грудь волной.
Гуляет ветер. Рвет колготки.
На комсомолке молодой.

Про любовь

Накатило мне нечаянно влюбиться.
И попал я..., мама дорогая.
Ну, на вид девица как девица.
Оказалось, Зам. Министра Края.

Я простой, с завода, работяга.
Руки черные от ветоши и масла.
У нее, звездец..., машина с флагом.
К ней водила и мигалка. Классно.

Я живу в общежитии, чтоб вы знали.
Пьянка, шухер – это каждый вечер.
Меня всей общежитий одежали,
Когда первый раз я шел на встречу.

А она в Бутик. Стою, рыдаю.
Весь дрожу, покрылся мелкой сыпью.
Всё, концы. Уже не полетаю.
И с друзьями портвешок не выпью.

Галстук – тыща баксов, от Кардена.
Вот костюм от Гучи, вот рубашка.
Да..., ходил как человек, на смену,
И в одну минуту стал как кашка.

Я всегда обедал, где попало.
Ну, хот-дог, в столовке суп, второе.
Больше пил, а ел..., так просто мало.
Ну а тут открылось мне такое...

Подают меню, ну как святыню.
Разбегаются глаза, я сразу слепну.
Виски, коньяки, сухие вина.
И обслуга: 4 человека.

Тащат мясо с кровью и омаров.
А вино от Дона Периньона.
Я бы это есть не стал и даром,
Но ведь галстук-то за тысячу зелёных.

Может все пройдёт, ведь время лечит.
Но сегодня, в семь, у пруда, у плотины.
Полетит она ко мне навстречу,
Только выйдет из своей машины.

Кинется на шею, расцелует.
Вся прильнёт, дрожит подбитой птицей.
Ох, братва, люблю её такую.
Нравятся такие мне девицы.

А потом по коням и до дома.
Особняк, четыре тыщи метров.
Не кровать – поляна сексодрома,
И ходить не надо там до ветра.

У неё вокруг министров стая.
Но гуляет – то она со мною.
Что нашла она во мне, не знаю,
Видно что-то есть во мне такое.

Напутствие молодым

Хотя советов не даю,
Такой уж взял обет.
Но раз себя переборю,
И всё же дам совет.

Пускай тебе не повезло,
Гоморра в доме и Содом.
И вместо ласк и нежных слов
Жена твоя сверло и лом.
Совет мой – не теряйся,
Молчи... и улыбайся.

Ну а когда пискун орёт,
На кухне дел не в проворот,
А муж забрался на диван,
Читает целый день роман.
Ты слёзы горькие не лей,
И зря не убивайся,
Смотри на мужа веселей,
Смотри и улыбайся.

А если тихий разговор,
Вдруг перешёл с женою в спор,
Ты с нею спорить не спеши,
Во всём с ней соглашайся,
Но делай так, как ты решил,
Молчи и улыбайся.

Когда же муж твой – вертопрах,
Придет под утро... на рогах,
Ты рот пошире отвори,
Но только не ругайся,
А, как уже я говорил,
Молчи и улыбайся.

Бесценный Вам даю совет,
Считай от счастья ключи.
Когда уж слов хороших нет,
То улыбнись и помолчи.

Прислушайтесь, шумит вода,
Взгляните, уж встаёт рассвет,
Счастливой будет жизнь, когда
Вы мой оцените совет.

Письмо командировочного жене

Вам с Украины – Ридны мати
Пишу послание моё.
Пишу, конечно же в кровати,
Ну как поэту без неё.

Лежу я в самом центре Града,
Где персик набирает цвет.
Всё хорошо, моя отрада,
Тебя вот только рядом нет.

А койка очень здесь большая,
Но я один – хоть в крик кричи.
И очень сильно замерзаю
В чернильной Киевской ночи.

На заседаниях бью баклуши,
Зато здесь сервис – высший класс.
И много миленьких хохлушек,
Но не хватает Ваших глаз.

И пиво в каждом гастрономе,
Проспекты моют по утрам.
А я грущу, грущу о доме,
И устремляюсь в мыслях к Вам.

Вспоминанья словно волны,
Лишь здесь в разлуке понял я,
Что без твоих коленок полных
Жить не могу, Любовь моя.

Письмо жене в санаторий Цхалтубо

Ну, здравствуй, Мама, здравствуй, дорогая.
Ответ в стихах мы шлём тебе любя.
Как отдыхаешь ты, теперь мы знаем,
И тоже очень рады за тебя.

Твой сын здоров, но ходит снова с раной,
Колени сбиты, но собой хорош.
Ждет не дождётся встречи с милой мамой:
Ты пистолет, конечно, привезёшь.

У нас в свои права вступило лето,
Уже три дня жара под тридцать пять.
Наш Саша ходит полностью раздетый,
Сказал, что, вроде, можно загорать.

Ещё к нам заходили Валя с сыном,
Наш Прохиндей опять обут, одет.
Идет во двор теперь такой красивый,
А возвращается – живого места нет.

На дачу ездят Каган, кот и Аня,
купаются, играют в преферанс.
А мы купаться ходим только в баню,
Похоже, дача это не про нас.

Там мухи, пауты и миллионы
Злых как собак уральских комаров.
И потому сидим пока мы дома,
Хотя их дома тоже будь здоров.

Заботы наши низменны и мелки:
Воды холодной и горячей нет.
Так что едим мы из одной тарелки,
И, верь не верь, не ходим в туалет.

Ты отдыхай подольше и получше.
На год на целый, набирайся сил.
Побольше овощей и фруктов кушай,
Не трать себя на местных, на грузин.

От нас большой привет для тети Кати.
Ирина тоже шлёт ей свой привет.
На днях пыталась: вы в одной палате?
Как на допросе, отвечал, что нет.

Ну вот и всё, письмо тебе готово.
Что между строк, додумаешь сама.
Дочь Аня, Саша и с приветом Вова,
Ну, тот, от Вас который без ума.

Песня кота

Я рыжий кот, меня Чубайс зовут.
Я наглый, умный и ходок, что надо.
Меня коты другие бьют и рвут,
Но дамы сердца – мне всегда награда.

За мою киску бился до утра,
На морде раны, вырвано пол уха.
Кровь запеклась,лизывать пора.
Вчера была такая заваруха.

Эх, жизнь моя кошачья,
Вперёд за дамским счастьем.
Хвост трубой,
И снова в бой.

Я англичанин, говорят, Британец.
Хотя нашли на улице меня.
Хозяин, тот орёт, что я «засранец».
Ну а Хозяйка – «сволочь и свинья».

Что все ботинки зассаны Британцем,
Обои порваны и клочьями висят.
Пора, мол, оборвать Британцу яйца,
Что он подлюка и последний гад.

Эх, жизнь моя кошачья,
Вперёд за дамским счастьем.
Хвост трубой,
И снова в бой.

С собаками давно я не дружу,
На них, скотов, такая аллергия.
Я их за километр обхожу,
Особо тех, которые большие.

Ну кто же виноват, что молод я,
Душа поёт, и кровь моя играет.
Сидит за ухом пуля у меня,
Ведь жизнь – она такая боевая.

Эх, жизнь моя кошачья,
Вперёд за дамским счастьем.
Хвост трубой,
И снова в бой.

За них, за них, красавиц молодых.
За рыжих, за блондинок, за брюнеток.
За полненьких, а также за худых,
За томненьких и ласковых кокеток.

Горят глаза, несусь во весь опор,
Все сокрушая на пути преграды.
И весь бомонд, и весь кошачий двор
К ногам падёт заслуженной наградой.

Эх, жизнь моя кошачья,
Вперёд за дамским счастьем.
Хвост трубой,
И снова в бой.

Ответ жильцов Председателю Райсовета по поводу официальной отписки в связи с затопление подвала дома фекалиями

Коронным местом официального ответа на жалобу жильцов было то, что затопление подвала дерьмом было названо «поступлением стоков в подвал дома». Ответа на это письмо в стихах уже не было, но подвал был вычищен в течение недели. Вот она сила поэтического слова.

Спасибо Вам, прочли мы Ваш ответ,
Прошло полгода как Вы нам писали,
Но перемен с тех пор особых нет:
Всё так же полон наш подвал фекалий.

Подвал обследован, и вроде бы не раз.
Похоже он не значится по смете.
Болтают, слесарь утонул у нас,
И нам озон, увы, уже не светит.

Доска на доме – «Образцовый быт»,
Но этот миф уже давно растаял.
Ведь вонь такая день и ночь стоит,
Что алкашей в подъезде не бывает.

Наш дом – пятиэтажный туалет,
Живем как на общественном сортире.
А перестройки труб всё нет и нет,
Лишь комары летают по квартире.

Живут они в подвале, как в раю,
Но от дождей кусаться стали тише.
Жильцы в подъезде песен не поют,
Плечо к плечу Вам только письма пишут.

Но в свете ускоренья есть успех:
Подъезд покрашен, вымыт и побелен.
Что за беда – подвал не лучше всех,
Дерьмо ведь поступает еле-еле.

Ответа ждём как девушка весной,
Ответа ждём – Вы в этом деле дока.
Ну что – нибудь хоть сделай, дорогой,
Спаси ты нас «от поступления стоков».

Новогоднее поздравление (1990—1991 г.г.)

Вот и уходит старый год,
Его Вы не судите строго.
Коза идет – Козе дорогу!
Но вот куда она ведёт?

С Козою все нам нипочём
Под флагом красно-бело-синим.
С Козой родились Муссолини,
Семён Будённый, Горбачёв.

Куда ни глянешь, плюрализм.
Год был событиями богатый.
Артисты наши – депутаты
Крушили в дым социализм.

«Митьки́», кадеты, куча групп,
До власти рвутся неформалы.
Но строго партия сказала,
Мы власть не выпустим из рук.

Колхозный строй по швам трещит,
Народ тихонько сатанеет.
И «Бей жидов, спасай Расею»,
На Красной площади кричит.

Земельный принят был декрет,
Мол, вся, родимая, народу.
И так толкут, как в ступе воду,
А хлеба не было, и нет.

Закон о выезде в Кремле
Все обсуждают аж до пены.
Но несгибаема система
И нету мира на земле.

Как тараканы все бегут:
Евреи, немцы и армяне.
Похоже, скоро и славяне
На дом отеческий забьют.

Уже гражданской войной
Пахнуло по Руси великой.
Уже режут на вилы клику
И тянет дым пороховой.

Взлетают кверху цены вновь,
Звучат правительства угрозы.
И ставят нас в такие позы,
Что там «Коррида», что «Любовь».

Всё по визиткам нам дают,
Исчезли млеко, яйца, курки.
И лишь вонючие окурки
В стеклянных банках продают.

Уже маячит пистолет,
Из лавок тащат всё со свистом.
В подполье лезут коммунисты,
Но зря, жратвы там тоже нет.

Крестят их в бога, душу, мать
И кол готовят из осины.
Но власть и армия едины,
И «Кузмичей»... не запугать.

Уже ни пёрнуть, ни вздохнуть
В Советском лагере особом,
Но мы, зато другим народам,
Великий пролагаем путь.

Да что об этом говорить,
Жизнь стала хуже и дороже.
Но есть у нас надежда всё же,
Что будем, будем лучше жить.

В Москве на Ленинских горах
Сергеич особняк построил.
Ментами пойман гуманоид,
Что сеял в наших бабах страх.

Пришельцы из миров иных,
В тарелках по стране летают.
Мужик Архангельский, болтают,
Порезал всех бычков своих.

Больным, калекам, в общем всем,
Кто озабочен сексуально.
Сам Кашперовский моментально
Поможет лично – нет проблем.

Наш Ельцин снова на коне.
Порасплодилось наркоманы,
И инвалютные путаны
Опять повисились в цене.

Был пойман Йети наконец,
Он бичевал по Пермской зоне.
Опять же есть дыра в озоне,
И Чаушеску – вот стервец.

Нас то трясёт, то вдруг потоп,
Совсем сошла с ума природа.
И голозадая Негода
Покоя женам не даёт.

Уходит год, о чем грустить?
Предначертала так природа.
Бокалы выше. С Новым Годом!
Смеяться будем, будем жить.

И будем веселы, не злы
С улыбками на лицах ясных.
За наших козочек прекрасных
Давайте выпьем же... Козлы.

Гимн путчистов

Вот мы стоим, соратники по партии,
На днях ушёл в подполье комитет.
Найдём места на малых предприятиях,
Коль в Институте нашем места нет.

ГКЧП – ты знамя и оружие,
ГКЧП нам светит, как звезда.
ГКЧП, ты нам как воздух нужен,
Ведь без него науке никуда.

Вот мы стоим, соратники по партии,
Мы свято верим в наш советский строй.
Сумели, как один, сюда собраться мы,
Чтобы пойти в последний смертный бой.

ГКЧП – гроза врагам проклятым,
ГКЧП – нам снится в каждом сне.
Ну а пока победа демократов,
И мы сидим в «Матросской тишине».

Вот мы стоим, соратники по партии,
И Полозков ведёт в атаку нас.
А ты, ты предал, гад, своих собратьев,
Трусливо бросил нас в тяжелый час.

ГКЧП – из закоулков памяти,
Тот призрак наш, что по Европе шёл.
А если вдруг кому-то он не нравится,
Всех отловить и посадить на кол.

Мы после Путча только крепче стали,
Наш час наступит, и наш день придёт.
Когда на штурм пошлёт товарищ Сталин,
И, Первый Маршал в бой нас поведёт.

ГКЧП – ты знамя и оружие,
ГКЧП нам светит, как звезда.
ГКЧП, ты нам как воздух нужен,
Ведь без него родной стране труба.

8 марта (1992 г.)

В преддверьи славной женской даты,
Вот здесь, сегодня, в этот час,
Мы здесь собрались как когда-то,
Чтоб от души поздравить вас.

Улыбки Ваши потускнели,
В конце туннеля света нет.
Зарплаты нищей еле-еле,
Хватает только на обед.

Клянёте власть со страшной силой
И вспоминаете застой.
В столовой вилки все стащили,
А цены там хоть волком вой.

Да, изменилось в жизни много,
Теперь есть мненье – снова пей.
Принес бутылку Зав. наш строгий
И огурец солёный к ней.

Примите поздравленья наши,
От тех, кто сед и от юнцов.
Мы так старались, вспомнить страшно,
Чтоб не ударить в грязь лицом.

Давайте выпьем, как когда-то,
За Вас прекрасных, милых дам.
Любви, здоровья и зарплаты,
Такой, чтобы хватило Вам.

Дорогим женщинам (время – лихие 90-е)

Не стало больше Армии Советской,
Солдат он не солдат уже, как встарь.
Но женский день остался все же женским,
И красным цветом вписан в календарь.

Ряды редеют Ваши понемногу,
Кто дернул в бизнес, кто за океан.
В экстазе кто-то прислонился к богу,
Кому наука – крест и божий храм.

Как на войне Вы жили в этом зале,
Глотая жадно пищу у станка.
Но ни Гайдар, ни Ельцин Вас не взяли,
И надо Вам другого мужика.

Пишите письма Соросу, девчата,
Особо те, кому до тридцати.
Ему в своих Соединённых Штатах
Таких красавиц сроду не найти.

С тоскою вспоминая дни застоя,
Стальную кружку поднося к губам,
Вино хмельное, стоя, только стоя
Я пью за Вас, за наших милых дам.

Тебе, любимая (2014 год – год лошади а-ля А. Иванов)

Я люблю мою кобылку,
Потреплю ее за холку.
Расцелую пылко, пылко,
Расчешу ей гребнем чёлку.

Я люблю ей гладить холку,
У нее такая спинка.
Я погладил бы и попку,
Да боюсь, лягнёт кобылка.

Всё грустит моя лошадка
И овса совсем не просит.
Ведь живет она не сладко,
И трусов она не носит.

Но я люблю мою лошадку,
С ней я нежен, хоть и трудно.
Зацелую сладко, сладко
Я ее в тугие губы.

И пускай мне будет хуже,
Подойду я к ней вальяжно.
Затяну супонь потуже
И кнутом слегка поглажу.

Забинтую туго ноги,
Ленты заплету в косички.
И галопом по дороге,
Полечу я словно птичка.

Затяну я ей подпругу,
Будут скачки до упада.
Я люблю мою подругу,
Ведь лошадка, то, что надо.

Ну а ночью будет снится,
Сон приятный и красивый.
Где степная кобылица
По степи летит игриво.

На закате...

Как омерзительно бывает по утрам,
Колотит так, что не спасает грелка.
Шум в голове и тяжело ногам,
Стакан в руке трясется дрожью мелкой.

Давно уже пошел по докторам.
И люто ненавижу эскулапов,
Ложусь я снова на родной диван,
Квартиру оглашая сочным храпом.

Так незаметно юность пронеслась,
Что положил на бизнес и науку.
Тихонько пукаю, в сортире затаюсь,
Читая прессу сквозь большую лупу.

Ногами шаркая и лысиной блестя
Сажусь я на горшок – счастливое мгновенье.
И вспоминаю молодость кряхтя,
От жизни получая наслажденье.

«Промчалось детство, юность пролетела...»

Промчалось детство, юность пролетела,
Закономерный впереди финал.
Жизнь прожил как-то робко и несмело,
Ни школы, ни ученья не создал.

Всю жизнь метался в муках и сомненьях,
Кто тебе враг, а кто надёжный друг.
И с богом не сложились отношения,
Да и в людей исчезла вера вдруг.

Всё суета. Всё суета сует.
Бежал по жизни, ничего не замечая.
Как будто жизни этой сотни лет,
Как будто ей конца и края нет.
А ведь она короткая такая.

Японец, он спокойней и мудрей,
Раз в год бросает всё и созерцает,
Цветущий куст, в своём саду камней,
Ручей, травинку, бабочку на ней,
И облако, что в синей дымке тает.
И этим счастлив...

«После долгой зимы показалось вдруг яркое солнце...»

После долгой зимы показалось вдруг яркое солнце.
Лес напрягся и ждёт не дожждётся тепла.
Я смотрю в запотевшее с ночи оконце,
По холодной воде моя юность давно уплыла.

Одинокая чайка кричит над озёрною гладью.
Словно ищет кого-то, и будто не может найти.
Я молю небеса, помоги бога ради.
До конца этот путь мне достойно пройти.

Без обмана и фальши, без подлости и без измены,
Без предательства близких, и старых надёжных друзей.
Я пройду этот путь, и дойду до конца непременно,
Как бы труден он не был, надо только шагать веселей.

«Мир – это книга, и те, кто не путешествуют —
читают только ее одну страницу»

Аврелий Августин

Зарубежные зарисовки

Мне повезло по жизни в том отношении, что мне удалось довольно много поехать не только по стране, но и по всему миру. Сначала это были институтские командировки, а после перестройки, когда открылись границы, отдых за рубежом. И не всегда, но довольно часто, свои впечатления от поездок я оформлял в стихотворной форме. Первым таким опытом были стихи из Германии (Восточной). Но мне удалось побывать и в Западной Германии, когда она ещё не была единой. Разница в менталитете была колоссальной, но, тем не менее, было совершенно ясно, что это единый народ, который искусственно разделили.

Самая первая заграничная командировка была в Болгарию. На 350 р., которые меняли на болгарские левы, я накопил книг, Платонова, Булгакова, Виноградова, Цветаевой, Ахматовой, Пастернака, Мандельштама и кучу других. Сослуживцы смотрели на меня, как на идиота. При чем книги эти издавались в Союзе, а продавались почему то в Болгарии.

Неизгладимое впечатление на меня произвела поездка в Югославию. Это был, примерно, 1985 г. И на фоне пустых полок в наших магазинах товарное и продуктовое изобилие и какой то беспредел в жизни, который я увидел потом у себя дома, когда началась перестройка, просто сносили голову. «Вот захожу я в винный магазин» было написано под югославскими впечатлениями. У нас в это время сигареты и водка продавались по талонам, даже не водка, а какая то гадость под названием «Полянка». Талонная система чем хороша, что вроде бы ты не пьешь и тебе это не надо, но талон дали, его надо отоварить, принести все домой, сложить в пианино и вспомнить об этом только тогда, когда во время переезда на другую квартиру встает вопрос, а что делать с музыкальным инструментом.

Во время зарубежных отпускных поездок и я и жена всегда стараемся познакомиться со страной, ездим на экскурсии и даже посещаем какие то культурные мероприятия. Так в Турции ходили на концерт танцевального ансамбля «Огни Анатолии» (аналог нашего ансамбля Моисеева), а в Пловдиве мюзикл «Юнона и Авось» я смотрел в римском амфитеатре, что придавало спектаклю особый привкус. Но все-таки больше мне нравятся не рукотворные мировые шедевры, а природные. Ниагара в Америке, Национальный парк тысяча островов в Канаде, Плитвицкие озера в Хорватии, Метеоры в Греции. Или рукотворные шедевры, которые существуют в единении с природой, как наши Кижы или созданный людьми дендрологический парк в Кисловодске.

«Я открываю мир, вся жизнь передо мной...»

Я открываю мир, вся жизнь передо мной,
Завидуйте, я мчусь по белу свету.
Вот пирамиды, вот мой дом родной,
Места святыя Ветхого Завета.

Я был в Европе, в Азии, в Китае.
Как Маугли жил в джунглях много лет.
Все покорил вершины Гималаев
И не однажды посещал Тибет.

Освоил там искусство Шаолиня,
Встречал на Амазонке я восход.
Просолен весь ветрами я морскими,
Шел к полюсу как Амундсен и Скотт.

Я бил слонов в саванне африканской,
А в Арктике тюленей и моржей.
С испанкой на корриде был испанской,
Ведь я мужик нормальный, а не гей.

Все уголки по миру мне знакомы:
Сахара, Ниагара, Гондурас.
И это всё, не выходя из дома,
И нужен только ноутбук и унитаз.

Из Германии

Привет Вам всем и поздравленья
С Международным женским днём.
Я долго мучился сомненьем:
Как написать Вам и о чём.

Решил, не мудрствуя убого,
Всё описать Вам без прикрас.
И не судите слишком строго
За этот маленький рассказ.

Тут все лопочут не по-русски,
И я, поэтому, молчу.
Запас словарный очень узкий,
Я б им сказал, но не хочу.

Мне от коллег полно заказов:
Очки, фасоль, карданный вал.
Пока, скажите им, заразам,
Я ничего не покупал.

Вязанья тоже нет к несчастью,
Модели видел, но не те.
Все в кружевах, но большей частью
Всё в неприглядной красоте.

Везде завал мануфактуры,
Аж, холодеет у груди.
Штанов на Алину фигуру,
Здесь в магазинах пруд пруди.

Полно игральных автоматов,
Здоровый можно куш сорвать.
Я раз сыграл и крыл их матом,
Вам чувств моих не передать.

По телевизору программа,
Не оторвать блудливых глаз.
Но лучше всех, скажу Вам прямо,
Балет из Фридрихштадтпалас.

Хожу в кино, смотрю «шедевры»,
Вот где отрада для души.
Артистки все такие стервы,
Слов не найду, как хороши.

В постели сильно замерзаю,
Аж, зубы по ночам стучат.
Хорошей грелки не хватает,
Так килограмм на шестьдесят.

Здесь ничего нельзя задаром,
Расчет до пфеннинга во всём.
За деньги ходим к писсуару,
Не говоря об остальном.

Пьём, в основном, мы шнапс и виски,
А чтоб в порядке был бюджет
Мы нажимаем на сосиски,
На пиво и на винегрет.

А поселили нас в отеле,
Одни мужчины (силы в них).
Ждём-не дождёмся Дом моделей,
Своих, советских, дорогих.

А что до Маргарит и Гретхен,
Мир, дружба и к плечу плечом.
Но русских баб на ихних медхен
Я не сменяю нипочём.

Здесь вдалеке от стен России,
Всем обещаю и клянусь,
Что к Вам любимым и красивым,
Я обязательно вернусь.

Югославский мотив

Вот захожу я в винный магазин,
Какие вина, коньяки, настойки.
Я не был никогда особо стойким,
Стою в смятении, один, совсем один.

Сушняк во рту и ломка поутру,
Сейчас наступит истины момент.
Но, господи, какой ассортимент,
Как Буриданов мул, не выберу, помру.

Калифорнийское вино, как красный флаг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.